

М. М. РУВИНШТЕЙНЪ.

ОЧЕРКЪ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
ВЪ СВЯЗИ
СЪ ОБЩЕЙ ПЕДАГОГИКОЙ

Четвертое пересмотренное и дополненное издание

МОСКВА—1920

Гл. VII. Цѣльная личность, какъ идеаль воспитанія ¹⁾).

1. Значеніе идеи личности въ наше время. Въ понятіи личности кроется для насъ громадный притягательный факторъ. Сколько бы ни упрекали наше время въ отсутствіи крупныхъ оригинальныхъ личностей, подчеркиваніе идеи личности, исключительное вниманіе къ ней является однимъ изъ наиболее характерныхъ признаковъ нашего времени. Древній античный міръ, можетъ быть, умѣлъ создавать ихъ своей жизнью и отношеніемъ къ міру, средніе вѣка сознательно подавляли ее; новое же время начало въ полномъ смыслѣ упиваться ею уже въ эпоху Возрожденія. Въ наше время эта идея насыщается всею богатствомъ надеждъ и чаяній и всей полнотой тоски современнаго культурнаго человѣка по идеальному; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что она объяна глубокимъ чувствомъ близости и теплоты для нашего сознанія. И педагогика чутко отмѣтила это отношеніе къ понятію личности, она подчеркнула всю отвѣтственность и важность своего дѣла указаніемъ на то, что дитя—личность, которая ждетъ соответствующе благоприятныхъ условий, чтобы развернуть во всей полнотѣ заложенное въ ней богатство.

2. Объ элементахъ понятія личности. Какъ мы уже указали, понятіе личности складывается изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Джемсъ правильно отмѣчаетъ въ понятіи личности физическую, духовную и социальную личность. Сливаясь вмѣстѣ и образуя одно цѣльное, эти стороны окрашиваются опредѣленнымъ характеромъ, въ зависимости отъ того, въ какую изъ нихъ переносится центръ тяжести, каковы притязанія личности, ея успѣхъ и рождающаяся на этомъ пути самооцѣнка и самоуваженіе. Разбираясь съ сущностью личности, мы неизбежно приходимъ, углубляясь въ содержаніе этого понятія, къ необычайно сложной и до крайности спорной философской проблемѣ о сущности сокровеннаго ядра личности, ея «я», той чѣсто активной силы, безъ которой она становится по существу немыслимой. Рѣшеніе этого вопроса заставило бы насъ выйти далеко за предѣлы этого очерка, поэтому мы ограничиваемся только указаніемъ на то, что въ понятіи личности заложена идея чистаго агенса²⁾; мы его такимъ образомъ должны предположить, не предрѣшая вопроса о томъ, какова его сущность. Для насъ важна наличность такого фактора. Если бы даже онъ былъ признанъ метафизическимъ началомъ, какъ дѣйтельное начало, онъ не неизмѣненъ, а проявляется на опредѣленномъ эмпирическомъ матеріалѣ, мѣняя съ нимъ и свое

¹⁾ См. М. Рубинштейнъ, «Идея личности, какъ основа міровоззрѣнія». Москва, 1909.

направленіе, т.-е. тутъ намъ открывается, хотя бы и не абсолютная, но все-таки нѣкоторая возможность воздѣйствія на развитіе личности. Во всякомъ случаѣ ученіе, исключющее такую возможность и настаивающее на неизмѣнномъ метафизическомъ ядрѣ индивидуальности, должно отрицать и педагогику, такъ какъ воспитаніе становится тогда абсолютно невозможнымъ, а потому мы можемъ въ данномъ случаѣ просто предположить такую активную развивающуюся силу.

3. Самодѣя- Но мы должны пойти дальше. Въ основѣ понятія **тѣльность личности.** личности лежитъ не только идея чистаго дѣятельнаго начала, но личность по существу выходитъ далеко за пределы простого продукта природы. Природа и естество въ чистомъ смыслѣ этого слова личности не знаютъ, потому что она есть дѣтище, взрожденное и выношенное искусственнымъ, к у л ь т у р ы м ь развитіемъ, такъ что культура и личность оказываются двумя понятіями, неразрывными другъ безъ друга. Личность вырастаетъ при этомъ только тамъ, гдѣ начинается самосознаніе и является впервые стремленіе въ сознательному, свободному оформленію, культивированію своего «я» с а м о д ѣ я т е л ь н ы м ь путемъ. Личность не даръ природы, а дитя человѣческой духовной свободы, пользуясь которой человекъ какъ бы въ противовѣсъ природѣ творить самъ себя. Вотъ почему мы чувствуемъ себя «людьми», когда жизни дасть намъ сознаніе, что мы что-то значимъ, что мы, если не во всемъ, то хоть отчасти самостоятельны и творимъ свою жизнь хоть отчасти сами; какъ только судьба, условія начинаютъ отнимать у насъ это сознаніе, и оно замѣняется сознаніемъ себя въ роли безвольной, жалкой пѣшки, какъ бы блестяща ни была ея внѣшность, личность начинаетъ меркнуть подъ гнетомъ подавленности духа, и жизнь часто утрачиваетъ свой смыслъ; на горизонтѣ показывается старый обликъ животнаго, отъ котораго порывался увести человека его духъ. Личность должна быть не только дѣятельна, но и с а м о д ѣ я т е л ь н а.

4. Принцип Чувство жизни тѣсно связано съ сознаніемъ себя, **активности,** какъ дѣятельнаго самостоятельнаго звена въ жизни. **какъ слѣд-** Въ этомъ смыслѣ Фихте былъ глубоко правъ, утверждал, **ствіе и дѣ-** что даже свобода утрачиваетъ свою цѣну, если только **поятія лич-** она является внѣшнимъ даромъ: «Быть свободнымъ это— **ности.** ничто, с т а н о в и т ь с я свободнымъ (т.-е. дѣятельно осуществлять ее въ себѣ)—въ этомъ истинное блаженство!» Активность является дѣйствительнымъ живящимъ нервомъ личности, именно тутъ только и можно найти истинный ключъ къ человѣческому счастью и удовлетворенію. Только дѣятельное отношеніе къ міру можетъ создать чувство жизни и наполнить ее смысломъ. Пассивность, бездѣятельность—это настоящая смерть, потому что человекъ въ этомъ состояніи

порываетъ нити, связывавшія его съ міромъ и людьми, потому что, какъ бездѣятельному существу, ни ему никто не нуженъ, ни въ немъ никто не можетъ ощущать нужды. Педагогикѣ нужно въ этомъ случаѣ только внимательно прислушаться къ голосамъ, раздвинувшимся въ глубины философской мысли: тамъ особенно въ наше время утверждается мысль, что истинное бытіе въ активности, что все реально только постольку, постольку оно дѣятельно (Вундтъ—«so viel Aktualität, so viel Realität»); моментъ творчества, созиданія, все тѣсно сплетается съ понятіемъ истиннаго бытія. Пассивность для примѣра Лотце, Вундта, Соловьева, Лопатина, Бергсона и т. д. Лично представляетъ на этой почвѣ необычайно интересное рѣшеніе проблемы безсмертія. «Вѣчно», говоритъ онъ ¹⁾, «будетъ то, что по своей цѣльности и смыслу должно необходимо быть постояннымъ звеномъ мірового порядка; все то погибнетъ, что лишено этой сохраняющей цѣльности»... «Каждое существо достигнетъ то будущее, на какое оно имеетъ право», а цѣльность, смыслъ и это право опредѣляются не ему тѣмъ, насколько данное существо было дѣятельнымъ, активнымъ факторомъ. Принципъ активности такимъ образомъ разрастается въ основу цѣлаго міросозерцанія и жизнепониманія,—такимъ основнымъ нервомъ онъ намъ представляется и въ педагогикѣ: с м е р т ь н ы й г р ѣ х ъ воспитанія и обученія это—векармливаніе п а с с и в н о с т и, и они стоятъ на высотѣ своего положенія, когда вырабатываютъ дѣятельную силу, активные элементы личности. Здоровый, нормальный человекъ не можетъ не стремиться къ этой формѣ бытія, потому что въ ней кроется истинная форма жизни. Въ стремленіи дѣтей къ труду, созиданію, тому или иному виду дѣятельности кроется глубоко значащее влеченіе. Мы должны твердо помнить, что психическая жизнь особенно держится активнымъ началомъ. Какъ мы увидимъ дальше, пассивнымъ восприниманіемъ ничего взять нельзя, и въ усвоеніи по существу надо не только принимать, но необходимо б р а т ь, т.-е. принимать дѣ я т е л ь н о. Не даромъ дѣти, да и взрослые, хорошо знаютъ только то, что они сами продѣлали,—мысль, которая требуетъ насъщенія всеи сферой воспитанія и обученія духомъ активизма.

5. Само- Конечно, жизнь со всѣхъ сторонъ напоминаетъ намъ **влѣніе лич-** о цѣляхъ и принужденіи: природа гонитъ естественными **ности.** законами, общество какъ будто сводитъ насъ на ступень простой точки, въ которой скрещиваются отдѣльныя нити все той же общественной жизни. Наша связанность дѣйствительно велика; но когда человекъ заговоритъ о ней, пусть онъ оглянется назадъ,

¹⁾ Mikrokosmos, I, стр. 425.

на первобытных людей, на царство живых и тогда он поймет, что на ряду с тѣловыми сторонами жизни т. наз. культурное развитие отвоевало ему по меньшей мѣрѣ свободу самосознанія, свободу въ царствѣ мысли, что природа во многомъ поступила подь контроль культуры, что мїръ человѣчества въ значительной степени дѣло его рукъ. Въ Гегелевскомъ изреченіи: «посмотри на мїръ разумными глазами, и онъ взглянетъ на тебя разумно» много жизненной правды; часто одинъ и тотъ же фактъ рисуется намъ въ различномъ цвѣтѣ въ зависимости отъ того, каковъ былъ нашъ душевный укладъ въ данный моментъ. Человѣкъ долженъ сознать себя, какъ такую самостоятельную формирующую силу. Какъ и всякій формирующій факторъ, онъ связанъ характеромъ своего матеріала; художникъ-творецъ не можетъ изъ мрамора отлить бронзовую статую, но онъ можетъ заставить мраморъ-глибу ожить подь его руками и заговорить тѣмъ языкомъ, который онъ въ него вложитъ. Въ этомъ смыслѣ центр тяжести человѣкъ, какъ личность, долженъ перенести въ самого себя. Это, строго говоря, и значить, что онъ долженъ стать личностью. Только при этомъ условіи человѣкъ пріобрѣтаетъ опредѣленный характеръ, избавляясь отъ неустойчивости и случайныхъ смѣненій.

6. Личность. Такая с а м о д о в л ѣ ю щ а я личность является какъ нуль-цѣлью воспитанія не только въ нравственномъ отношеніи, турно-творческая сила. гдѣ она должна искать своихъ критеріевъ въ своемъ внутреннемъ мїрѣ, въ самосознаніи, въ той сторонѣ духа, которую мы называемъ въ жизни совѣстью. Чтобы стать цѣльной личностью, человѣкъ долженъ сознать въ себѣ не только б о р ц а за существованіе,—эта дѣятельность присуща и животнымъ,—но онъ долженъ познать себя, какъ т в о р ц а если не большей, то, во всякомъ случаѣ, самой существенной составной части своего мїра и жизни: сферы цѣльностей, идеаловъ, всей сферы идей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мїръ, какъ таковой, внѣ отношенія къ личности лежитъ, строго говоря, по ту сторону добра и зла, истины и лжи, красоты и безобразія и т. д. Но крайней мѣрѣ въ отношеніи эмпирическаго мїра мы можемъ считать эту мысль безспорной.

Это именно и дѣлаетъ изъ него матеріалъ, пригодный для обработки личностью. Человѣкъ-личность въ идеалѣ становится настоящимъ творцомъ и вершителемъ этого мїра: на немъ онъ долженъ выявить все свое богатство и на все наложить печать своего творческаго гения. Мїръ не цѣленъ, но онъ м о ж е тъ стать цѣльнымъ, если личность своей творческой оформливающей силой освятитъ его, вырвавъ его изъ индифферентнаго состоянія и пріобщивъ его въ своей обработкѣ къ гармоніи истины, добра, красоты и т. д. Чѣмъ шире это превращеніе, тѣмъ больше чувство активности, тѣмъ интенсивнѣе

пульсъ истинной жизни и тѣмъ больше возможность полного удовлетворенія и истиннаго счастья человѣка. Жизнь должна быть, говоритъ Гегеллингъ въ «Философіи религіи», какъ бы художественнымъ проповеданіемъ личности: чѣмъ выше она сама, тѣмъ прекраснѣе, тѣмъ болѣе цѣненъ ея продуктъ.

Такое отношеніе къ мїру представляетъ собой прямой выводъ изъ сущности понятія личности. Каждый человѣкъ долженъ, отправляясь отъ своего индивидуальнаго положенія, стремиться создать изъ мїра своеобразное цѣлое, носящее печать данной оригинальной личности. Этимъ нисколько не нарушается единство мїра, подобно тому, какъ остается однимъ и тѣмъ же граненое стекло, перелпывающееся на свѣту различными цвѣтами въ зависимости только отъ того, съ какой стороны на него смотрять и какимъ свѣтомъ его освѣщаютъ. И свѣтъ этотъ даетъ личность и она же является зрителемъ, любующимся на мїръ, видя въ самой цѣнной его части какъ бы отраженіе своей личности. Такъ художникъ путемъ «вчувствованія» (терминъ Липпса) переносится въ свой продуктъ.

Пусть нашъ мїръ пока еще раздирается безобразными диссонансами во многихъ отношеніяхъ, такъ что понятіе гармоніи въ примѣненіи къ нему намъ представляется злой прошею: мы говоримъ не о фактѣ, а о долженствованіи. Неужели мы уже такъ отяжелѣли, что не можемъ поднять глазъ къ идеалу? Мїръ, какъ гармоничный продуктъ личности, не данъ, а о н ѣ з а д а н ѣ и заданъ въ индивидуальной формѣ: мїръ какъ бы связалъ насъ въ матеріалъ, но оставилъ намъ полную свободу въ формѣ и характерѣ его обработки. Тутъ вотъ и открывается полный просторъ для идеальной личности. Мїръ, сотворенный личностями, индивидуальными и неравноцѣльными, и самъ долженъ быть индивидуальнымъ. Въ особенности педагогу важно вѣзаться въ этотъ фикціанскій взглядъ на мїръ, какъ на матеріалъ для жизни и формированія личности. Какъ и всякій идеалъ, онъ далекъ отъ существованія, но имъ должна освѣщаться вся наша дѣятельность и прежде всего работа воспитателя и учителя, если мы дорожимъ цѣлью взрастить человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

7. Значеніе характера педагогическими выводами. Эта идея, развитая до конца, богата очень важными выводами. Для примѣра укажемъ на личность. вытекающее отсюда слѣдетвіе, что человѣкъ никогда не долженъ цѣлкомъ поглощаться матеріаломъ, въ концѣ концовъ онъ всегда долженъ быть какъ-бы н а д ѣ нимъ, а это значить, что школа должна ставить себѣ цѣль дать м е т о д ѣ , у м ѣ н і е работать и ориентироваться, если не выше, то, во всякомъ случаѣ, не ниже задачи снабдить своихъ питомцевъ опредѣленными знаніями. Пол-

ный человек, цельная личность должна обладать знаниями, но, вѣдь, знанія въ полной мѣрѣ человеку недоступны, кругъ ихъ всегда точно ограниченъ, а методъ, умѣние найти и ориентироваться теоретически и практически въ зависимости отъ данного изученнаго материала открываетъ просторъ въ безграничное. Изреченіе «знаніе-сила» требуетъ безусловнаго дополненія: я и з н е н о еще большой силой является методъ, какъ въ области нравственной и въ сферѣ дѣятельности ею служить не столько знаніе правилъ, сколько х а р а к т е р ь, в о л я,—тѣ стороны, которыя, какъ это ни странно, накладываютъ въ большомъ пренебреженіи во всей сферѣ нашей системы воспитанія и обученія. Мы плохо помнимъ, что голый интеллектъ можетъ съ одинаково мъ успѣхомъ служить и Богу добра, и идолу зла, не говоря уже о томъ, что характеръ и воля играютъ важную роль и въ чисто теоретическихъ функціяхъ. Въ результатѣ воспитанія и обученія должна создаваться нравственно законченная и самостоятельная, выдержанная воля, тутъ не должно быть мѣста жалкимъ шатаніямъ. Характеръ человека, какъ этого требовалъ Фихте, долженъ вылиться въ могучее строгое цѣлое, пропитанное нравственно-нравственнымъ духомъ. Только къ такой волѣ и къ такому характеру можно предъявлять высокія требованія и ждать отъ нихъ многого. Въ нихъ заложена жизнеспособность и подъема въ царство идеальнаго. Бихонгаризмъ современной психологіи и философіи долженъ быть использованъ въ педагогію во всю ширь.

В. Личность. Методъ, характеръ, воля—все это нужно личности какъ нелюбая потому, что пути ея, какъ и она сама, индивидуальны. Это онять-таки послѣдовательнымъ, частью уже намѣченнымъ выводомъ изъ сущности понятія личности. Въ повтореніи и проторенныхъ тропахъ она тускнѣетъ, въ индивидуальномъ, неповторяющемся—ея истинная жизнь. Какъ мы отметили раньше, личность и культура неразрывно связаны, но культура въ ея квинтэссенціи не нуждается и не мирится съ повтореніемъ. Человекъ, именно какъ личность, является для насъ абсолютной цѣнностью, только какъ личность онъ можетъ имѣть достоинство, быть самоудовлетворяющей единицей, самоцѣлью, и его нельзя, безусловно недопустимо сводить на роль простого средства. Средствомъ можетъ быть только то, что замѣнимо, что повторяется. Какъ бы мала ни была данная человѣческая личность, она всегда остается безусловной цѣнностью, потому что въ ней кроется по меньшей мѣрѣ неисчерпаемая возможность порожденія новой культурно-творческой незамѣнимой силы. Гении и простой незамѣтный смертный, они оба цѣнны, какъ ни велико разстояніе между ними, первый никогда не замѣнитъ второго, и если бы въ интересахъ сохраненія перваго пришлось

бы жертвовать вторымъ, то это было бы изъ двухъ золъ меньшимъ, но это все-таки было бы зло и потеря. Культура нуждается во всей безконечной скалѣ индивидуально окрашенныхъ творцовъ, независимо отъ ихъ величины, потому что цѣнность ея продуктовъ въ ихъ неповторяемости. Слова Хлестакова, приевонившаго себѣ авторство «Юрія Милославскаго», потому и кажутся намъ смѣшными, что существованіе одного такого произведенія, какъ продукта искусства, дѣлаетъ излишнимъ повтореніе, которое является задачей ремесла. Тогда мы находимъ у новаго писателя, служителя мысли, художника, и т. д., знакомыя черты, сходныя съ предшествующимъ ему авторомъ, мы считаемъ его неоригинальнымъ, и цѣнность его и его произведенія для насъ понижаются тѣмъ болѣе, чѣмъ больше такого сходства. Культурѣ въ ея квинтэссенціи можно служить только индивидуальнымъ путемъ. Поэтому, развивая индивидуальность въ интересахъ развитія личности, мы въ то же время выполняемъ тѣ требованія, которыя предъявляются къ личности со стороны культуры. Если общими культурными достояніемъ человѣчество при всемъ стремленіи отдѣльныхъ личностей къ индивидуализаціи оказывается неразрывно связаннымъ и сплоченнымъ въ одно цѣлое, потому что эти связи устанавливаются глубоко внутреннимъ факторомъ. Въ этой незамѣнимости, и слѣдовательно, необходимости отдѣльнаго человека для міра и кроется смыслъ и оправданіе его жизни, а для педагогіи вытекаетъ требованіе дорожить самой маленькой индивидуальностью, какъ это выразилось, на примѣръ, въ наше время въ заботѣ объ умственно-отсталыхъ, глухонемыхъ и т. д. Они люди, и этимъ для насъ неопровержимо выставляется рядъ обязанностей по отношенію къ этимъ обездоленнымъ существамъ. Той линіей, которая связываетъ человека съ истиннымъ и безконечнымъ бытіемъ, является прежде всего его неповторяющаяся, своеобразная личность. Въ обнаруживающемся у многихъ людейвлеченіи къ спектаклямъ, вообще къ публичнымъ выступленіямъ сказывается, какъ скрытый психологическій мотивъ, стремленіе выдѣлиться изъ сѣрой массы, познать себя, какъ отдѣльную единицу, нежеланіе потонуть въ массѣ.

Э. Ограниченіе индивидуализма. Но эта мысль, рождающая педагогическій императивъ «культивируйте и берегите въ вашихъ питомцахъ ихъ индивидуальность», требуетъ очень существеннаго дополненія. Природа дала человеку много возможностей въ видѣ инстинктовъ и задатковъ, а общественная жизнь сопряжена съ массой сторонъ, положительныхъ и отрицательныхъ, которыя прѣвращаются отдѣльной личности. Такимъ образомъ, педагогика, выражающая сознательное стремленіе къ воспитанію опредѣленнаго характера людей, руководясь опредѣлен-

ными целями, непременно должна вершить отборъ среди всѣхъ этихъ возможностей. Мы заинтересованы вовсе не въ безграничномъ развѣтываніи индивида, какъ такового, а въ немъ мы различаемъ: 1) цѣнное,—то, что должно развивать; 2) безразличное, отъ развитія котораго наши интересы не страдаютъ, и 3) вредное, что необходимо задерживать. Произвольнъ роста она должна замѣнить свободой его, а въ свободѣ всегда заложена мотивированность, разумный элементъ. Индивидуальность со всѣми ея возможностями не можетъ быть цѣлью для насъ; вырастая произвольно, человѣкъ легко выраститъ въ себѣ и всѣ животныя инстинкты и много другихъ свойствъ, которыми личность по существу будетъ уничтожена. Намъ нуженъ не микейдоскопъ разноцѣстныхъ сторонъ, сочетающихся въ случайныя произвольныя комбинаціи, а цѣльный, стройный образъ человѣка. Вѣдь, произвольнъ не только нарушаетъ свободу другихъ, но и самъ индивидъ становится не свободнымъ.

Поэтому человѣкъ дорожитъ индивидуальностью не 10. Свобода какъ таковой, потому что въ этой формѣ она произвольна и случайна, а цѣнна—индивидуальная личность; но индивидуальной личности съ объективными человеческими цѣностями. Она, какъ личность, тѣсно связана съ устремленіемъ къ высшему идеальному міру и потому въ нее могутъ войти только тѣ индивидуальныя черты, которыя служатъ вышнимъ цѣностямъ истины, добра, красоты и т. д. Къ нимъ направляетъ личность міръ, но только каждая творитъ это своими индивидуальными путями, потому что она стремится не къ хаосу индивидуальных элементовъ, а къ ихъ гармоничному сочетанію, а это дается только на пути установленія крѣпкой связи между индивидуальной личностью и міромъ идеала.

Въ наше время со всѣхъ сторонъ раздается призывъ къ культивированію индивидуальности, и въ такой формѣ этотъ призывъ грозитъ создать своего рода педагогическій анархизмъ, который уничтожитъ личность, отдавъ человѣка на произволъ выростанія съ его положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. Когда «свободному» воспитанію придаютъ т а к о й смыслъ, то ясно, что путь этотъ глубоко ложенъ. Фактически сторонники свободного воспитанія близки къ наивной идеѣ Руссо, что ребенокъ по природѣ добръ, его естество разумно, для его цѣлесообразнаго выростанія надо только не стѣснять его, т.-е. въ концѣ концовъ и тутъ признается необходимость направленія на безусловныя цѣности, но предполагаютъ, что это лучше всего достигается свободнымъ воспитаніемъ, при которомъ природѣ дается просторъ выявить свое положительное цѣнное содержаніе. Но этотъ принципъ преслѣдательной эпохи въ корнѣ ложенъ, потому что природа ни зла, ни добра, она просто

естественна и наша задача дать дѣтямъ это опредѣленное направленіе на идеальный міръ,—гдѣ это пужло, даже вопреки природѣ, естественнымъ инстинктамъ. Абсолютное осуществленіе своей индивидуальности и невозможно, и не нужно; человѣкъ долженъ найти пути къ осуществленію своего «я» на почвѣ объективныхъ цѣностей. Этимъ вносится въ безграничный индивидуализмъ необходимое ограниченіе. Личность не только гармонично развитая индивидуальность, но въ ея понятіе входитъ и признакъ направленія на царство идеала. «Желая самую себя, личность желаетъ добра, красоты, истины, божественнаго, какъ свойствъ бытія» ¹⁾, но осуществляетъ ихъ посвоему.

Такимъ образомъ, педагогика должна ставить себѣ 11. Многогранность цѣлью не только разворнуть всю индивидуальную полноту личности, положительныхъ свойствъ личности, но и увѣнчать и укрѣпить ее воспитаніемъ въ дѣтяхъ стремленія, своего рода «вкуса» ко всему истинному, доброму, красивому и святому. М н о г о с т о р о н и й и н т е р е с ъ является какъ бы залогомъ развитія полной, многогранной личности. Любовь къ истинѣ является преградой отъ увлеченія узкимъ практицизмомъ, въ которомъ сплошь и рядомъ угрожаютъ потопить духъ дѣтей въ наше «реалистическое» время, любовь къ добру и красотѣ ограждать отъ переобѣдки пріятнаго и полезнаго и противопоставять имъ безкорыстный интересъ; всѣ эти цѣности вмѣстѣ не дадутъ стать человѣку рабомъ фактовъ и будутъ звать его въ царство идеальнаго. Въ такомъ п е д а г о г и ч е с к о м ѣ и д е а л ѣ залогъ развитія здоровой, жизнерадостной цѣльной личности и имъ надо пропитывать человѣка съ дѣтства ²⁾. Рядомъ съ практическимъ элементомъ, предназначеннымъ служить удовлетворенію жизненныхъ потребностей, и съ теоретическимъ элементомъ, отвѣчающимъ запросамъ знанія, долженъ стать, завершая ихъ, т в о р ч е с к і й элементъ человѣческаго духа. Поэтому всѣ цѣли школы должны завершаться устремленіемъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ. Въ особенности низшая и средняя школы не должны становиться узко профессиональными, дополняя свои спеціальныя задачи общеобразовательными элементами.

¹⁾ G a u d i g «Die Idee der Persönlichkeit», въ «Zeitschr. f. Päd. Ps», 1912, стр. 78.

²⁾ Какъ нуженъ идеализмъ педагогу, это поучительно показываетъ міросозерцаніе К. Д. Ушинскаго, созрѣвшее въ 50 и 60-ые годы и всетаки напоенное идеализмомъ, См. М. Р у б л я ш т е й н ѣ, «Жизнѣ въ пониманіи Ушинскаго», Вѣстникъ Воспитанія, 1915, кн. I.

12. Цѣнная личность и взаимозависимость ея идеальныхъ сторонъ.

И наконецъ намъ остается еще отмѣтить выводъ, который напрашивается самъ собой: все эти стороны личности въ интересахъ ея цѣльности должны развиваться въ тѣсной связи и взаимодействіи другъ съ другомъ. Античное міросозерцаніе завершилось идеаломъ *καλοκαγαθία*, въ гармоніи добра и красоты, и этотъ идеальнo-несомнѣнно обладаетъ непреходящей цѣнностью. Греки, можетъ быть, только потому не добавили къ нему идеала истины, что онъ подразумевается самъ собой. Какъ говоритъ Вильмагъ ¹⁾, спартацы молились богамъ, чтобы они дали имъ прекрасное на основѣ доброго—*τὰ καλὰ ἐπὶ τοῖς ἀγαθοῖς*, и у насъ есть все основанія присоединиться къ этой молитвѣ, потому что оторванные другъ отъ друга истина, добро, красота, здоровье и сила теряютъ много или вовсе обращаются съ точки зрѣнія жизни личности въ односторонность, уродливую. Такъ, когда физическое развитіе отрывается отъ облагораживающей и контролирующей власти идеальныхъ мотивовъ истины, добра и красоты, оно легко можетъ привести насъ къ обоготворенію «здороваго кулака» и «копеекы силы», способныхъ при случаѣ стереть съ лица земли и красоту, и добро, и правду. 2

Крайности спорта не разъ убѣдительно подтверждали на Западѣ возможность такого уродованія личности. Діагоръ, о которомъ говоритъ Тэнъ, могъ умереть отъ восхищенія, что у его сплывецъ оказались самые сильные кулаки и самыя быстрыя ноги, и сограждане его могли совѣтовать ему умереть, не ожидая уже въ жизни для него ничего лучшаго. Но это было нормально въ той обстановкѣ, а для насъ въ такомъ абсолютированіи одной стороны кроется истинная смерть личности. Сила, физическая, развитость безусловно огромное благо, но только когда она находится на службѣ у духа. Въ опасность обращается исключительно эстетическое воспитаніе, потому что оно можетъ уничтожить добро, вскормить непроходимый эгоизмъ и себялюбіе и т. д. Исключительно нравственное воспитаніе вполнѣмъ обѣдняетъ жизнь человѣка и суживаетъ сферу добра. Односторонность присуща и исключительно религіозному воспитанію. Особенно ошибочно развитіе и культивированіе интеллекта оторвано отъ другихъ элементовъ личности, такъ какъ въ немъ самомъ нѣтъ гарантій за направленіе на добро. Часто, какъ говоритъ Ферстеръ ²⁾, «разумомъ пользуются тогда только, какъ воровскіе фонаремъ, чтобы найти и осветить страстямъ путь къ ихъ удовле-

творенію». Сливаясь въ цѣльной личности въ гармоничное цѣлое, развиваясь въ дѣтской душѣ въ тѣсномъ соприкосновеніи, они обезпечиваютъ другъ другу цѣлесообразный ростъ и максимальную силу. На этой почвѣ человѣкъ можетъ соединить «небо» и «землю», творя въявь Божественное на землѣ. И человѣкъ не только долженъ, но онъ и можетъ стремиться къ выполненію этой задачи, потому что онъ соединяетъ въ себѣ міръ факта и міръ идеала ¹⁾. Мотивы дѣятельности человѣка не поддаются полному учету, многое выплываетъ изъ глубины неосознаннаго, и всеи личности рационализировать мы не можемъ, но надъ всемъ долженъ господствовать въ личности этотъ идеальнo-и мрачная дѣйствительность, на которую такъ любятъ ссылаться у насъ, но должна лишать насъ силы помнить объ идеалѣ, любить его и стремиться къ нему. Да и дело педагогики не столько въ томъ, чтобы опровергать, какъ есть, а она должна сказать главнымъ образомъ, какъ должно быть.

Гл. VIII. Индивидуальная личность и общество съ точки зрѣнія педагогики.

1. Нормативная точка зрѣнія. — И здѣсь мы выдвинемъ въ центрѣ нормативную точку зрѣнія, какъ самую существенную для педагогики. Вѣдь, и самое понятіе индивидуальной личности въ отличіе отъ простой индивидуальности является нормативнымъ. Отмѣтивъ возможность тѣснаго сплоченія индивидуальной и культурной личности на почвѣ индивидуальнаго, субъективнаго служенія универсальнымъ, объективнымъ цѣностямъ, мы уже, въ сущности, указали самый важный моментъ, на почвѣ котораго

¹⁾ На раздѣліи философскихъ и религіозныхъ построеній Вл. Соловьева, я не могу не упомянуть объ одномъ изъ его «Воскресшихъ писемъ», гдѣ высказывается по существу аналогичная идея (Собр. соч. VIII, стр. 102 и сл.). Тамъ онъ ставитъ вопросъ, «небо или земля?» и указываетъ на то, что мы очень склонны утверждать то одно, то другое. Отвѣщая намъ во имя неба Соловьевъ противопоставляетъ вопросъ, «и значитъ тогда слова: «На землѣ явися и съ человѣки пожие», а также «Да будетъ воля твоя на землѣ, какъ и на небесахъ?» «Задача человѣка», говоритъ онъ, «не въ безплодныхъ мечтаніяхъ объ абсолютномъ совершенствѣ, равно какъ и не въ ограниченномъ и недостаточномъ служеніи смертнымъ цѣлямъ, а въ согласованіи этого, что внизу, съ тѣмъ, что наверху», въ дѣятельныхъ успіяхъ къ всестороннему совершенствованію личной и собирательной жизни, чтобы воля Божія была на землѣ такъ же, какъ и на небесахъ».

¹⁾ Дидактика, какъ теорія образованія, т. II, стр. 25.
²⁾ Школа и характеръ, стр. 7.

возможно искать примирения интересов общества и индивидуальной личности.

2. **Конфликт общества и личности в действительности.** В действительности мы живем, сплошь и рядом, в атмосфере тяжкого конфликта между ними. Руссо считал чудом возможность «быть одновременно человеком и гражданином». И действительно, в современной общественной обстановке мы, конечно, далеки от их мира; так, личность часто насилуют партийная доктрина, так наз. общественное мнение, семейные отношения, особенно современные хозяйственные условия и т. д. и часто ей приходится отказываться и отклоняться от самой себя. Как раз педагогу в своей сфере приходится глубоко чувствовать тяжелую руку общества и общественных условий, часто вырывающихся в атмосферу воспитания и обучения почти опустошительным образом, когда в детях уже в первую пору их жизни поселяются рознь и раздоры, атмосферой общей конкуренции воспитываются эгоизм, корыстолюбие, погоня за наслаждением, а проповедь правды, человеколюбия и т. д. слишком часто наталкивается на живое опровержение и конфликт с укладом общественной жизни и т. д. Общество все еще раздается грубыми противоречиями. Национальность, религия, язык, сословие и т. д. утрачивают часто свое истинное значение и ведут к вражде и борьбе. Даже, помимо всего этого, общество все еще вынуждено защищать себя, отстаивать свое существование с оружием в руках; в таких условиях личность нередко становится между безусловным заветом «не убий!» и категорическим требованием общества «отдай мне твою жизнь», и должна следовать второму призыву, как отвечающему современному положению вещей, лишь в идеале возможность в будущем осуществлять первый завет. Общественные интересы оказываются в данное время несравнимо сильнее, чем личная жизнь, и в добродетель возводится именно это умение пожертвовать собой. Отдать жизнь за други своя, это — то условие, без которого современное общество не может жить. И личность должна с детства понять эту необходимость, когда перед ней встанет эта роковая дилемма. Бороться за лучшее будущее необходимо, но надо бороться с причинами зла, а не со следствиями... Руссо цитирует из Плутарха такой пример: «Одна спартанка проводила в армию пять сыновей и ждала известий с поля битвы. Является плоть; с трепетом она спрашивает, что нового. — «Все твои сыновья убиты!» — «Презренный раб! Разве я тебя об этом спрашивала?» — «Мы победили!» — «Мать слышит к храму и воздает благодарение богам». Невыносимая личная скорбь в этом случае оказывается загнанной в скрытую глубину души гражданским

чувством, почти нечеловеческою отрешенностью от себя, и не всякая натура выдержит такой конфликт, но уже тут мы должны отступить, в какую колоссальную фигуру вырастает личность, умьющая пожертвовать собой, когда это нужно; личность как бы находит здесь свой максимум... Наконец, делались психологические попытки показать ненабязность этого конфликта между обществом и интересами личности. Характерные всего оно выражалось в формуле, признанной теперь несостоятельной: «сила личности обратно пропорциональна числу соединенных людей» (Сидис); чем больше группа, в которую входит личность, тем меньше она остается сама собой.

3. **История, как основа бытия.** Такая действительность. Но, признавая правду, востать многих черт в этой картине, мы должны помнить, бытие не что дорога нам не индивидуальность, а индивидуальная личность, а последняя мыслима без направления на объективные ценности. Этим уже значительно смягчается существующий конфликт. Но, кроме того, мы не должны катиться настолько далеко по наклонной плоскости пессимизма, чтобы не признавать, что все-таки личность обрывает в истории развития большую свободу, что на первых порах не только личность, но и индивид совершенно истощивался обществом и его интересами, как бы они малы ни были, что самое понятие личности родилось от культуры и вскармливается ею. Мы не станем отрицать, что мы идем черепашьим шагом в этом развитии через море слез и крови, но мы все-таки идем вперед; вспомним хотя бы круг существ, который охватывает понятие личности-человека теперь и прежде, и при всей неприглядности нашей действительности у нас есть право сказать лучшего будущего и твердо верить в него. Такой вывод из нашего прошлого. Важно подтвердить его другими соображениями по существу, т.-е. дать ответ на вопрос, нуждается ли личность в обществе и общество в индивидуальных, культурно-творческих личностях и идет ли оно по направлению к идеальному миру, который и образует базу для их примирения. И тут мы вынуждены ограничиться короткими общими указаниями.

4. **Общество, как необходимое условие роста личности.** Личность по своему существу не только связана с объективными ценностями, но, указывая на ее индивидуальность, мы все-таки не исключаем в ней типическое, общее; каждый индивид, как говорил Дильтей, как бы состоит из общего, типического и индивидуального, неповторяющегося. Иными словами, личности присуще не только индивидуальное устремление к общечеловеческим идеалам, но в нее входят фактически общечеловече-

ские психофизические элементы; только центр тяжести ея, ея цѣнность, какъ культурнотворческой силы, лежитъ въ ея индивидуальномъ укладѣ. Такимъ образомъ, и съ этой стороны личность входитъ въ общество себѣ подобныхъ существъ. Но что самое важное, роств и жизнь личности становятся по существу въ общественой жизни нѣмь ели мь мь н, — мысль, имѣющая для педагогики первостепенное значеніе, потому что она повелительно диктуетъ ей дополнить себя и пропитать социальнымъ характеромъ. Волна индивидуализма была въ нашу эпоху очень высоко и, можетъ быть, именно потому мы и ощущаемъ особенно остро важность вопроса о томъ, гдѣ развивается индивидуальная личность вообще. И наше время дастъ и теоретически, и практически вполне единодушный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отвлеченная природа человѣка, какъ она выходитъ изъ лабораторій природы, рассматривается, какъ функция прехяго времени и прехяго всего просвѣтительной эпохи; единичная личность въ ея изолированности есть продуктъ отвлеченной мысли, на этомъ сходятся люди самыхъ разнообразныхъ направленій, какъ Кантъ, Вундтъ, Наторпъ, Бартъ, Фришлейгеръ-Келеръ, педагоги—Кершоуштейнеръ, Дьюи и т. д. Реальность личности—въ обществѣ, а общество реально въ личностяхъ и прехде всего въ ихъ волѣ; они другъ отъ друга совершенно неотдѣлимы. Общество—по Вирту—является неотъемлемымъ условіемъ, причиной человѣческихъ свойствъ личности. Мы предоставимъ социологамъ спорить, насколько удачна мысль рассматривать общество какъ организмъ; для педагогики оно сохраняетъ свою цѣнность уже просто, какъ блестящая аналогія. Какъ рука, оторванная отъ тѣла, утрачиваетъ свой прежній характеръ и становится просто кускомъ мяса съ костями, такъ и человѣкъ, оторванный отъ общества, идетъ на гибель, и только мощь уже созрѣваго человѣческаго духа въ состояніи еще кой-какъ поддерживать въ немъ на почвѣ прехяго опыта его человѣческое «я». Человѣкъ-дитя является личностью только въ возможности, и возможность эта осуществляется, только если даны соответствующія благоприятныя условія.

Среди этихъ условій первое и опасное мѣсто занимаетъ общеніе съ людьми и духовное взаимодействіе. Въ научной литературѣ приводится много случаевъ изолированныхъ въ раннемъ дѣтствѣ дѣтей, которыхъ эта изоляція превратила въ настоящихъ животныхъ. О такихъ случаяхъ, напримѣръ, упоминаетъ Лестафль. Шотландскій матросъ Selkirk, попавъ во время кораблекрушенія на необитаемый островъ и пробывъ въѣ человѣческаго общества 5 лѣтъ, разучился говорить и вообще значительно понизился въ своихъ умственныхъ

способностяхъ¹⁾. Если въ нашихъ условіяхъ пожизненное одиночное заключеніе не ведетъ къ такой духовной смерти, то это объясняется неполнотой изоляціи и искусственными мѣрами, которыя принимаетъ самъ заключенный въ видѣ чтенія и т. д. Во всякомъ случаѣ для дѣтей этотъ вопросъ объ общеніи съ людьми имѣетъ рѣшающее значеніе и это вполне понятно: только общественная жизнь даетъ ему материалъ для мысли, только сталкиваясь съ другими такими же существами, одаренными волей, человѣкъ познаетъ и свое и чужое «я» свои слабыя и сильныя стороны и осмысливаетъ ихъ; только на почвѣ общенія рождаются и растутъ нравственныя, эстетическія и другія требованія. Современный человѣкъ мыслимый и понятный, только если мы примемъ во вниманіе унаслѣдованіе опыта прошлыхъ поколѣній и взаимодействія съ окружающими, потому что уже современное дитя обладаетъ несомнѣнно значительно болѣе широкимъ кругозоромъ и развитіемъ, чѣмъ первобытный человѣкъ, вырастающій непосредственно на природѣ, т. е. для всамосности его необходимо предположить не только связь съ отдѣльными личностями, но и связь поколѣній другъ съ другомъ. Жизнь эмоций, какъ любовь, состраданіе и т. д., въ особенности вся сфера высшей духовной жизни питается общеніемъ, не исключая и сферы знанія. «*Condita decrescit, vulgata scientia creascit*—знаніе скрывается угасаетъ, а распространяемое возрастаетъ», гласитъ средневѣковая пословица²⁾. «Общественность есть условіе какъ возникновенія разумности человѣка, такъ и ея сохраненія»³⁾. Такимъ образомъ въ обществѣ выводѣ можно сказать словами Наторпа⁴⁾: «Человѣкъ становится человѣкомъ только черезъ человѣческое сообщество»; какъ личность, а не просто естественный индивидъ, онъ представляетъ собой продуктъ культурной, социальной жизни. Для возможности личности необходимо общество и прехемственность культурнаго развитія.

Но правильно и обратное. Эта мысль становится намъ сразу понятной, если мы уяснимъ себѣ, что общество не можетъ быть группой однородныхъ единицъ. Въѣ, то единство, которымъ живетъ и сильно общество, можетъ развиваться въ различную форму: есть единство, которое дается внутренней односторонностью, и есть единство, образуемое изъ всего богатства составляющихъ его многообразныхъ элементовъ. Первое единство, тождество однород-

1) См. R a u b e r. «Die Zustände der Verwildeten», Lpzg. 1835, стр. 71.

2) Вильманъ. «Дидантика» II, стр. 9.

3) Хвостовъ. «Очеркъ исторіи этическихъ ученій», стр. 268.

4) «Sozialpädagogik», стр. 84.

наго, обозначает примитивную ступень общества, а сдвинувшись и вступив на путь развития, оно направляется, как к своему идеалу, к единству вполне индивидуально развитых личностей. Таким образом, общество—единство, но не тождество и именно потому оно предполагает индивидуальные личности. Трудно указать болѣе знаменательный и болѣе характерный признак такого роста общества, чѣм то, что, как энергично подчеркивалось въ наше время со всѣхъ сторонъ, даже въ арміи съ ея желѣзной дисциплиной и сплоченностью главное теперь уже не масса, а интеллигентность, индивидуальность и самостоятельность составляющихъ единицъ, умѣние найти самому въ данномъ индивидуальномъ положеніи. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ болѣе оно заинтересовано въ развитіи такихъ сплоченныхъ, но многообразныхъ единицъ, тѣмъ болѣе дифференцируется оно въ единство многообразнаго. Неоднородность въ жизни общества является, въ сущности, настоящимъ маховымъ колесомъ, которое не даетъ ему остановиться на одномъ мѣстѣ и застыть на мертвой точкѣ. Но только Спенсеръ указалъ въ своемъ законѣ эволюціи на изменение несвязной однородности по направлению къ связной разнородности; держась той же идеи, Натюрль остроумно и жизненно пользовался въ своей «Соціальной педагогикѣ» гносеологическіе принципы Канта въ примѣненіи къ развитію общества: принципъ однородности, принципъ спецификаціи (образования разнородности) и принципъ сродства или единства многообразнаго. Этимъ путемъ должна идти и педагогика: взрастить е д и н с т в о м н о г о о б р а з н ы х ц ѣ л ь н ы х л и ч н о с т е й. Общество это—цѣльность—совокупность, составленная изъ неравныхъ цѣльныхъ элементовъ, своеобразныхъ, но тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ въ одно произведение, въ одну картину.

6. Возмож- Въ развитіи индивидуальной личности въ указанномъ
ность при- выше смыслѣ повышается, такимъ образомъ, ея цѣльность
мирности об- какъ для нея самой, такъ и для другихъ, т.-е. для общества.
щества и Въ конечномъ счетѣ, вѣдь, и общество должно искать
личности въ своего оправданія въ направленіи на идеальныя цѣли.
нормаль- Оно никогда не можетъ ограничить себя простой заботой
номъ обще- о насыщеніи, а, стремясь связать свое существованіе съ
ствѣ, объективными идеальными цѣлями служенія истинѣ, добру, красотѣ,
оно въ конечномъ счетѣ должно найти возможность примиренія ин-
тересовъ своихъ и отдѣльной личности. Общество, борясь за право,
человѣчность и т. д., идетъ рука объ руку съ личностью, потому что
оно подавляетъ, можетъ быть, индивидуальныя, но несомнѣнно жи-
вотныя, антикультурныя проявленія. Вѣдь, и самъ человѣкъ стѣс-
няетъ съ собой борьбу человѣка со «вѣремъ», съ «эгоизмомъ» и т. д.,

и общество должно и можетъ явиться для него опорой въ этой борьбѣ, его естественнымъ союзникомъ.

7. Педагоги- Наша дѣйствительность иная; мы еще не настолько
на какъ те- ушли отъ примитивности, чтобы не страдать отъ диссо-
орія о пути пансовъ общественной жизни. Таковъ фактъ, но что онъ
къ идеалу. обозначаетъ? Для чего мы считаемся съ нимъ и изучаемъ
его? Для того, чтобы тѣмъ увѣреннѣе перейти отъ него
къ осуществленію того, что мы признаемъ за идеаль. Фактъ никогда
не долженъ быть для насъ послѣднимъ элапомъ, а только и с х о д-
н о й точкой. Это особенно важно сознавать въ педагогикѣ: распадъ
индивидуальной, культурной и социальной стороны личности ука-
зываетъ на необходимость ихъ гармонизаціи, и чѣмъ раньше мы нач-
немъ думать объ этомъ, тѣмъ лучше. Залогъ идеальнаго общества ле-
житъ въ идеальномъ воспитаніи, сознающемъ свои задачи, а въ центрѣ
ихъ и стоитъ въ видѣ объединяющей идеи цѣль воспитать цѣльную
личность, въ которой бы всѣ эти стороны могли найти свое примиро-
ваніе и объединеніе ¹⁾.

8. О возмож- Но не напрасно ли мы ставимъ себя въ эти цѣли?
ности воз- Не уничтожатся ли всѣ добрыя намѣренія существова-
питанія. ния законовъ природы, съ одной стороны, и опредѣ-
ленными характеромъ индивидуальности, съ другой? Фактически такой
педагогическій фатализмъ—мы коснемся его только коротко—совер-
шенно немислимъ и уничтожится самой сущностью жизни, общенія
и заботы о дѣтяхъ. Но онъ не выдерживаетъ критики и теоретически.
Что касается законовъ природы, то ими опредѣляется общій ходъ
природы въ условной формѣ, оставляющей достаточный просторъ
индивидуальному. Вѣдь, и опредѣленные дѣйствія воспитателя вхо-
дятъ въ общую причинную связь и являются не только слѣдствіями,
но и въ свою очередь причинами, вызывающими на основаніи того же

¹⁾ Къ тому же выводу приходитъ въ своемъ новомъ трудѣ П. И. Новгородцевъ—«Объ общественномъ идеалѣ». Вопросы философіи и психологіи, 1913 и 1914 г. «Личность и общество», говоритъ онъ, не представляютъ собой какихъ-то самоудовлетворяющихся и противостоящихъ другъ другу субстанцій; они растутъ изъ одного корня и стремятся къ «одному свѣту» (Вопр. фил. 1914 I, стр. 1; см. также стр. 39), и (1913 IV, стр. 311): «Общественный прогрессъ не устраняетъ собственныхъ задачъ личности, какъ и наоборотъ, внутренняя жизнь личности не исключаетъ путей общественнаго прогресса». Личное творчество и общественное созиданіе могутъ и должны и по мнѣнію П. И. Новгородцева (стр. 312) слиться на почвѣ «стремленія къ абсолютному идеалу». На той же мысли настаиваетъ G. K e g e l s t e i n e r «Der Begriff der Arbeitsschule», стр. 13 (русск. перев. «Набравки, соч. Кершенштейнера» въ изд. «Педагогич. Библиотеки» Тихомирова)

закона причинной связи соответствующія слѣдствія. Болѣе серьезны возраженія, основывающіяся на природной предопредѣленности индивидуальности. Но мы уже раньше отмѣтили, что та индивидуальность, которой дорожимъ мы, складается изъ естественныхъ и культурныхъ элементовъ, т.-е. со стороны послѣднихъ она—продуктъ искусственнаго влѣянія. Но и естественныя индивидуальныя свойства только потенціи, возможности, проявленіе которыхъ зависитъ въ значительной степени отъ условий и матеріала ихъ обнаруженія. И тутъ намѣчаются общія границы, въ предѣлахъ которыхъ воспитаніе можетъ раскрыть индивидуальность. Все это указываетъ на то, что педагогика не всемогуща, но если она не въ силахъ сдѣлать всего, то это не значитъ, что она совершенно безсильна. «Излюбленное со времени Руссо сравненіе воспитанія молодежи съ выращиваніемъ и культивированіемъ растений хромаетъ и не подходитъ въ рѣшающемъ пунктѣ, потому что душевный организмъ значительно болѣе поддается обработкѣ, чѣмъ тѣлесный...» ¹⁾.